

Рассмотрены особенности архитектуры малоэтажного жилья различных стран с акцентом на их функциональные и семиотические аспекты. Проанализированы типы малоэтажных жилых зданий Азербайджана, Кыргызстана, России и Марокко конца XIX – первой половины XX века, сформировавшиеся под влиянием социально-экономического развития и потребностей населения. Исследование опирается на конкретные примеры архитектурной практики и включает обсуждение роли и значения семиотики в формировании образно-пространственной структуры и символического содержания малоэтажного жилья. Особое внимание уделено культурным кодам, воплощенным в архитектурных формах, а также тому, как семиотические особенности малоэтажного жилья отражают социальный статус, образ жизни и ценности общества своего времени. Проведенный анализ позволяет более глубоко интерпретировать архитектуру малоэтажных домов как значимый элемент формирования городской среды и ее культурной идентичности.

Ключевые слова: архитектура; малоэтажные жилые здания; семиотика архитектуры; идентичность; культурный код; Баку; Пишпек; Нижний Новгород; Касабланка. /

This article examines the architectural features of low-rise housing in various countries, focusing on their functional and semiotic aspects. It analyzes low-rise residential building types in Azerbaijan, Kyrgyzstan, Russia, and Morocco from the late 19th to the first half of the 20th centuries shaped by socioeconomic development and the needs of the population. The research is based on specific examples of architectural practice and includes a discussion of the role and significance of semiotics in shaping the image-spatial structure and symbolic content of low-rise housing. Special attention is paid to the cultural codes embodied in architectural forms, as well as to how the semiotic features of low-rise housing reflect the social status, lifestyle, and values of the society of its time. This analysis allows for a more profound interpretation of low-rise architecture as a significant element in the formation of the urban environment and its cultural identity.

Keywords: architecture; low-rise residential buildings; semiotics of architecture; identity; cultural code; Baku; Pishpek; Nizhny Novgorod; Casablanca.

Семиотика архитектуры малоэтажных жилых домов в международном контексте / Semiotics of architecture of low-rise residential buildings in an international context

Введение

Семиотический подход к анализу архитектуры малоэтажного жилья позволяет рассматривать жилую среду как систему знаков, отражающих исторически сложившиеся культурные модели, социальные представления и пространственные практики. В малоэтажной застройке, более тесно связанной с локальными традициями и повседневной жизнью населения, семиотические коды проявляются особенно отчетливо. Такие объекты выступают не только носителями функционально-пространственных характеристик, но и средствами культурной коммуникации, транслирующими ценности, нормы и идеалы конкретного сообщества.

Малоэтажное жилищное строительство на протяжении длительного времени занимает значимое место в мировой архитектурной практике, выступая одной из базовых форм организации жилой среды. Историческое развитие малоэтажных домов отражает не только технологические и планировочные трансформации, но и глубокие социально-культурные процессы, характерные для различных регионов и периодов. В архитектуре таких зданий проявляются устойчивые типологические модели, функциональные решения, а также семиотические коды, позволяющие интерпретировать архитектуру жилья как систему знаков, транслирующую информацию о социальном устройстве, образе жизни и ценностях общества. Архитектурная семиотика, рассматривая здания как систему знаков, позволяет интерпретировать жилой дом не просто как функциональный объект, но и как культурный текст, отражающий символические значения. Такой подход особенно продуктивен при анализе малоэтажного жилья, поскольку эта категория архитектуры наиболее тесно связана с повседневностью, локальными традициями и формами социального взаимодействия.

В данном исследовании архитектура малоэтажных домов рассматривается через призму социально-культурного контекста, что позволяет увязать семиотический анализ с конкретными социальными и культурными процессами [1]. Подобная интерпретация соответствует выводам М. Парсаи, М. Парва и В. Карими, которые подчеркивают, что анализ архитектурного пространства с позиций семиологии выявляет механизмы формирования смыслов, закрепленных в пространственных структу-

рах и типологиях жилья, а также способы их восприятия пользователями.

Семиотический подход также акцентирует функцию архитектурного объекта как источника и преобразователя средовой информации [2]. Здание выступает медиатором между человеком и окружающей средой, структурируя восприятие пространства и отражая культурно значимые нормы. В этом контексте семиотическая интерпретация позволяет выявить историко-генетическую взаимосвязь архитектурного объекта со средовой ситуацией, раскрывая, каким образом в форме, планировке и пространственной организации жилья закрепляются культурные коды, социальные роли.

Форма и композиционные решения малоэтажного жилья рассматриваются как продукт сложного взаимодействия исторических, экономических и культурных факторов, отражающих ценности, идентичность и нормы общества на макроуровне. Любой архитектурный компонент, будь то форма или планировочное решение, несет в себе смысловое содержание, воспринимаемое как наблюдателями, так и пользователями архитектурного объекта [3].

Интерес к малоэтажному жилью обусловлен его специфическими архитектурно-пространственными характеристиками и тесной связью с локальными культурными практиками. Соразмерный человеку масштаб, автономность усадебных и квартальных структур, а также выраженная пространственная дифференциация позволяет выявлять устойчивые типологические модели и семиотические коды, закрепленные в формах, планировках и способах использования пространства. Изучение таких объектов способствует более глубокому пониманию факторов, формирующих архитектурный образ малоэтажных домов и их символическое содержание.

Широкий спектр архитектурных форм, конструктивных решений, планировочных приемов и декоративных мотивов, свойственных малоэтажным жилым зданиям различных культур и исторических периодов, создает условия для анализа социально-экономических и культурных факторов, влияющих на типологию жилища. В этом контексте семиотический подход обладает значительным исследовательским потенциалом, поскольку позволяет выявить символические смыслы, выраженные в про-

текст

Арай Сайбулатова
Международная Образовательная Корпорация; Казахская головная архитектурно-строительная академия (Алматы, Казахстан)

Дана Дюсенова
Международная Образовательная Корпорация; Казахская головная архитектурно-строительная академия (Алматы, Казахстан)

Аркен Есенбаев
Казахский агротехнический исследовательский университет им. С. Сейфуллина (Астана, Казахстан)

Алмагул Тойшиева
Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева (Астана, Казахстан)

Aray Saibulatova
International Educational Corporation; Kazakh Leading Academy of Architecture and Civil Engineering (Almaty, Kazakhstan)

Dana Dyussenova
International Educational Corporation; Kazakh Leading Academy of Architecture and Civil Engineering (Almaty, Kazakhstan)

Arken Yessenbayev
S. Seifullin Kazakh Agrotechnical Research University (Astana, Kazakhstan)

Almagul Toishiyeva
L. N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan)

> Рис. 1. Современное преобразование малоэтажных жилых домов в Баку

пространственных структурах, декоративных элементах, композиционных приемах и архитектурных образах в целом. Семиотическая перспектива рассматривает малоэтажное жилье как культурный текст, отражающий представления об идентичности, статусе и ценностях эпохи.

В совокупности указанные аспекты определяют актуальность данного исследования, направленного на комплексное рассмотрение функциональных, пространственных и семиотических характеристик малоэтажных жилых домов в международном контексте, а также на выявление факторов, влияющих на их архитектурную выразительность и роль в формировании среды.

Цель исследования

Целью данного исследования является комплексный анализ архитектуры малоэтажных жилых домов в межкультурном контексте, включающий изучение их пространственной организации, функционально-планировочной структуры, композиционных особенностей и эволюции архитектурных форм. Особое внимание уделяется семиотическому прочтению малоэтажного жилища как системы знаков, в которой архитектурные и пространственные решения отражают культурные коды, социальные практики и исторические особенности формирования сообществ. Исследование направлено на выявление того, каким образом малоэтажная застройка выражает социальные и культурные смыслы, формируя идентичность жилой среды в разных странах и регионах.

Материал и методы

Методологическая основа исследования представляет собой системный подход, позволяющий комплексно анализировать архитектуру малоэтажных жилых зданий конца XIX – первой половины XX века в различных странах. Исследование сочетает историко-архивный, аналитический и семиотический подходы, обеспечивая междисциплинарный анализ архитектурных объектов. Материалы включают научные труды, публикации и архивные сведения по истории архитектуры и урбанистики в области формирования малоэтажного жилища. Для обобщения информации использовался библиографический анализ архивных и литературных источников.

Особое внимание уделялось влиянию политических и социально-экономических факторов на формирование архитектуры: проектные решения малоэтажных домов рассматривались как отражение государственной политики, ценностей власти и характерных идеологических установок, а также как индикатор процессов модернизации и адаптации в различных исторических условиях. Архитектурная практика отдельных регионов демонстрировала культурное разнообразие и взаимодействие локальных и заимствованных традиций, в том числе через работу архитекторов из других стран или колониальных владений. В анализе применялся семиотический подход: формы жилых малоэтажных домов, планировочная организация и декоративные элементы рассматривались как носители смыслов и культурного кода, отражающих ценности, идентичность и социальные нормы общества в рассматриваемый исторический период.

Различия в архитектуре становятся особенно заметными в контексте политических факторов, поскольку дизайн зданий в значительной мере отражает характер государственного устройства, сформированного в различные годы существования государства. Особенно это проявляется в малоэтажном строительстве, где архитектурные решения могут служить индикатором политической линии и ценностей новой власти.

Результаты исследования и их обсуждение

В ходе исследования изучены различные типы жилых малоэтажных домов, характерные для Азербайджана, Кыргызстана, России и Марокко конца XIX – первой половины XX века.

Анализ жилого фонда Баку в 1919 году показал, что к тому времени в городе было возведено более 10 тыс. особняков, разработанных по индивидуальным проектам (рис. 1). В жилой архитектуре Баку начала XX века наблюдалось органичное сочетание восточных и европейских элементов, при этом доминирующими формальными решениями выступали классические ордерные системы и черты бакинского модерна. Такое смешение эстетических традиций на фасадах отражало культурную многослойность города и его стремление к модернизации, что позиционировало Баку как пространство между Востоком и Западом. Богатая пластика фасадов, а также

^ Рис. 3. Дом М. Фрунзе и дом промышленника Г. Енгальцева [11]

наличие пространственных элементов, таких как балконы, эркеры, формировали характерную выразительность городской жилой застройки того периода.

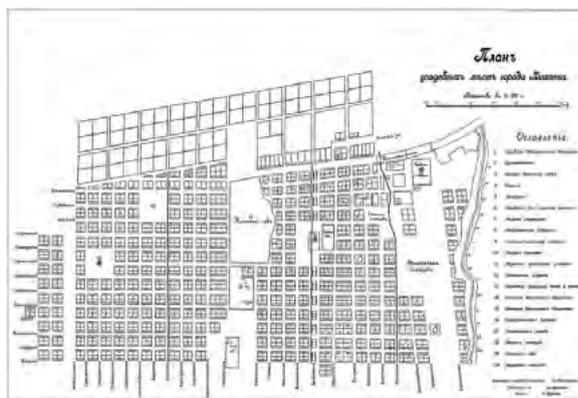
Эти здания отличались следующими характеристиками: 1) малоэтажные жилые дома, активно формирующие улицы; 2) жилые дома, создающие компактные кварталы; 3) здания, специально спроектированные для улиц, с особым акцентом на оформление уличных фасадов; 4) дома, организованные на отдельных участках кварталов, с ориентиром на внутренние дворовые пространства.

Зодчество в Азербайджане, в частности развитие архитектурного оформления экстерьеров и интерьеров в конце XIX – начале XX века, демонстративно высокому уровню прогрессивности по сравнению с другими странами Ближнего Востока, где отмечалось значительное отставание в градостроительной планировке, застройке городов, а также в развитии промышленности и железнодорожного транспорта [4]. Развитие фабрик и заводов способствовало промышленному росту Баку. В зависимости от социального положения и уровня благосостояния часть населения, например нефтяные магнаты, для строительства особняков и доходных домов, приглашала известных архитекторов, инженеров и конструкторов из России и Европы. Приглашенные специалисты из других стран. Местные зодчие, изучив традиционные элементы локального и восточного зодчества наряду с европейскими стилевыми направлениями, также стремились гармонично сочетать их в архитектуре зданий. Такое умелое применение архитектурной эклектики способствовало обогащению художественного и архитектурного облика городской застройки Баку в целом. Архитектура жилых домов города начала XX века отражала семиотический код социального статуса и культурной принадлежности. Сочетание элементов европейской и восточной архитектуры символизировало стремление к модернизации при сохранении локальной идентичности. Уличные фасады с богато декорированными элементами служили визуальными маркерами престижа владельцев.

На протяжении значительного времени в городе Пишпек (ныне Бишкек, Кыргызстан) доминирующим типом жилого строительства являлись малоэтажные дома, что стало следствием реализации первого генерального плана, составленного с учетом расположения вблизи

Кокандской крепости. Согласно «Плану проектного расположения вновь предполагаемого города Пишпека», утвержденному 31 августа 1878 года, город был разделен на аккуратные прямоугольные и квадратные кварталы [5]. На топографической карте города, созданной Н. Гудковым в 1905 году, четко прослеживается функциональная и планировочная структура Пишпека, где жилые кварталы организованы с акцентом на малоэтажное строительство, включая малоэтажные жилые дома, разделенные между собой (рис. 2). Система улиц, четко ориентированная по сторонам света и сохранившаяся до наших дней, превосходно гармонирует с рельефом местности, имеющим равномерный уклон с юга на север, а также эффективно учитывает преобладающие западные ветры. Этот этап градостроительного формирования относится к концу XIX – началу XX века, когда в Пишпек, как и в ряде других городов (например, в том же Баку), формировалась система малоэтажного жилья с ярко выраженным социально-культурным и функциональным контекстом.

Заселение города осуществлялось в строгом соответствии с утвержденной планировкой, отражавшей социальную и функциональную структуру городской среды. Кварталы делились [6] на два ряда: к первому относились центральные районы, включая окрестности рыночной и церковной площадей, а ко второму – все остальные кварталы. При этом планировка и архитектурные нормы

< Рис. 2. Усадебные участки Пишпека. Съемка 1905 года [9]

^ Рис. 4. Малоэтажные дунганские жилые дома начала XX века (<https://foto.kg/galereya/2192-pishpek-dom-v-dunganskoy-slobode.html>)

предусматривали строительство домов на участках первого разряда минимум с пятью окнами, тогда как дома на участках второго разряда должны были иметь не менее трех окон. Такая организация застройки не только обеспечивала упорядоченность и функциональность городской среды, но и отражала социально-культурные и экономические различия между центральными и периферийными районами города конца XIX века.

Социальная структура населения Пишпека, включавшего представителей различных сословий (городские обыватели, мещане, крестьяне), отражала черты как феодального, так и формирующего капиталистического города [7]. Несмотря на то что они составляли единые сословия, их имущественное положение и социальный статус существенно различались, что находило свое выражение в архитектурных формах, планировочных решениях и декоративных элементах зданий. В связи с этим разительно отличались усадьбы и дома бедных мещан и зажиточных горожан – купцов, промышленников, чиновников (рис. 3).

В дореволюционную эпоху архитектура Пишпека представляла собой в основном малоэтажные здания, где одноэтажные дома встречались значительно чаще, чем двухэтажные. Согласно данным городского главы Ильи Тереньтева, к 1898 году в Пишпек было зарегистрировано 752 жилых строения [8]. Планировочная структура Пишпека символизировала рационализм и контроль, характерные для российской военной архитектуры конца XIX века. Симметрия кварталов и строгость уличных линий были пространственным выражением порядка и управляемости. В этом контексте малоэтажное строительство рассматривается не только как практическое решение, но и как культурный текст, выполняющий семиотическую функцию и передающий социальные, исторические и культурные смыслы эпохи. Формы зданий, их композиционные решения и планировочные схемы выступают как знаки, отражающие особенности социальной организации, ценности, традиции и идентичности. Таким образом, жилая архитектура города выступала как семиотическая система, передающая информацию о социальном положении, культурной принадлежности и идентичности различных слоев населения.

В контексте многонационального населения Кыргызстана особый интерес для научного исследования представляет этническая группа дунган. В силу политических, социально-экономических и иных обстоятельств дунгане оказались на территории Кыргызстана и других регионов Российской империи в конце XIX века [9]. Важным историческим следствием двухэтапного перехода дунганских беженцев из Китая во владения Российской империи (1877–1878 и 1881–1883) на земли современных Кыргызстана и Казахстана стало основание там дунганских сел, городских слободок и кварталов в уездных городах Туркестанского края.

В конце XIX века архитектура дунганских усадеб демонстрировала характерные черты малоэтажной застройки, формируя специфический семиотический код, основанный на принципах замкнутости, пространственной иерархии и ориентации на внутреннюю жизнь семьи. Как правило, такие усадьбы возводились из сырцового кирпича и включали 2–3 жилые комнаты с земляным полом, камышовыми или деревянными перекрытиями. Композиционно они дополнялись садом или огородом, а также отдельной кухней и хозяйственными постройками, что создавало функционально автономный микрокомплекс (рис. 4).

Пространственная организация дунганских усадеб имела ярко выраженную семиотическую направленность. Особая роль отводилась ориентации зданий и планировочным решениям. В северной части регионов дома нередко выстраивались параллельно улице, образуя длинную глухую стену без окон, что усиливало знак «внешней закрытости» и защищенности. Фасад, обращенный во внутренний двор, кодировал идею частного, семейного пространства, недоступного постороннему взгляду. В южных районах планировочная схема изменялась: жилые здания размещались в глубине участка, фронтально ориентируясь на улицу. Однако при этом окна и двери по-прежнему обращались внутрь двора, что сохраняло базовый семиотический принцип – приоритет внутренней, семейной сферы над публичной.

В Нижнем Новгороде расположен объект градостроительного и архитектурного наследия [10] – жилой дом, построенный в 1837 году архитектором М. П. Камышниковым для семьи титулярного советника В. И. Добролюбова

< Рис. 5. Нижний Новгород. Дом Е. Добролюбовой по улице Алексеевской, 41. Архитектор М. П. Камышников. 1837–1838

(рис. 5). Фасады этого и других домов города отражают архитектуру и эстетику классицизма, свойственного Нижнему Новгороду 1830–1840 годов [11]. Как правило, особняки для чиновников и состоятельных граждан возводились на высоком каменном цоколе, подчеркивая статус владельцев. Архитектурный облик малоэтажного дома представляет собой не только художественно-стилистическое решение, но и семиотическую систему, через которую транслируются идеологические и культурные коды.

Выполненные в упрощенном виде элементы классического фасада выполняют роль символов государственной и культурной власти, унаследованных от архитектурного языка классицизма. Симметричная композиция, четкие горизонтальные карнизы, лаконичные вертикали пилястр, равномерное размещение прямоугольных оконных проемов, отсутствие случайных выступов формируют визуальную структуру, символизирующую рациональную организацию мира и подчеркивающую архитектуру как особый культурно-коммуникативный код. Архитектура этого малоэтажного объекта демонстрирует, каким образом относительно скромный городской дом способен транслировать сложный семиотический комплекс эпохи, код порядка, иерархии, социальной стратификации и государственного могущества, присущий эпохе классицизма в России 1830–1850 годов [12]. Архитектурные элементы функционируют как знаки, включенные в более широкую культурную текстуру, отсылая к имперской идеологии, к концепции рационально организованного пространства и представлениям о гармонии, укорененным в европейской архитектурной традиции. Таким образом, особняк Добролюбовой не только выполняет функции жилого объекта, но и служит носителем культурного и идеологического кода своего времени, включенного в контекст градостроительных и архитектурных традиций Нижнего Новгорода.

Город Касабланка (Марокко, Северная Африка) представляет собой важное культурное наследие, сочетающее влияние различных цивилизаций, что отразилось в его уникальной городской структуре [13]. После установления французского протектората в 1912 году городское планирование стало инструментом социальной организации и модернизации: новые улицы, порты и инфра-

структура формировали упорядоченное пространство, привлекая как европейцев, так и марокканцев. Быстрый рост города и социальное напряжение подчеркивали необходимость контролируемой, структурированной застройки.

Генеральный план Касабланки, созданный Анри Простом в 1914 году, является ярким примером модернистского градостроительства на континенте, где каждый элемент планировки выполняет функцию кодирования социального, экономического и культурного порядка. Семиотически план города строился на контрасте традиции и модернизации: сохранение исторической Медины выступает знаком культурной преемственности, тогда как современные кварталы символизируют прогресс, индустриализацию и рациональное управление городской средой (рис. 6).

Одним из значимых проектов колониального градостроительства в Касабланке стал квартал Хубус, так называемая Новая Медина, спроектированная при участии французских архитекторов Анри Проста и Альбера Лапрада. Первоначальная концепция предусматривала формирование благоустроенного квартала для зажиточной марокканской буржуазии, переселившейся из традиционного и более консервативного городского пространства Феса [14]. Такое социальное позициони-

> Рис. 6. Генеральный план Касабланки. 1914 [13]

^ Рис. 7. Малоэтажные жилые дома Касабланки (Марокко, Северная Африка) первой половины XX века

рование определило как архитектурный облик района, так и его семиотическую нагрузку. Проект задумывался как технически совершенная интерпретация традиционного марокканского города, в которой сохранялись бы визуальные и пространственные коды «старого Марокко», но на уровне инженерии и санитарии, отвечающие требованиям модернизирующегося мегаполиса. При этом планировочная структура Хубуса воспроизводила ключевые элементы традиционной Медины, что придавало проекту выраженный семиотический характер.

Архитекторы сознательно интегрировали привычные для местного населения коды пространственной организации. Внутренние дворы (рик) сохраняли структуру традиционного марокканского жилья, выступая пространственным символом приватности, семейности и централизованности домашнего мира. Их присутствие обеспечивало культурную читаемость застройки и служило «мостом» между образом старой Медины и обновленными условиями проживания. Ориентация дверей исключала их прямую взаимную видимость, что соответствовало норме непроницаемости частной сферы и являлось знаковым отражением культурных представлений о приватности. Широкое применение аркад вдоль улиц одновременно выполняло климатическую функцию и служило семиотическим отсылком к традиционным торговым и ремесленным галереям. Также в квартале были реконструированы типичные элементы средневекового городского устройства – общественные бани, пекарни, мечети и локальные рынки, что формировало узнаваемую морфологию традиционного марокканского «города внутри города».

Дополнительную семиотическую выразительность кварталу придавали характеристики архитектурного стиля малоэтажных жилых домов, разработанных в Хубусе как компромисс между модернистской рациональностью и традиционной морфологией (рис. 7). Строительство Новой Медины велось быстро и преимущественно из местных материалов руками марокканских мастеров, что отразилось в характерных деталях – резных капителях, росписях ставней и декоративных элементах [15]. Архитектурная пластика фасадов отличалась сдержанной, но выразительной геометрией, где гладкие оштукатуренные поверхности сочетались с минимально декориро-

ванными выступами и ритмичными проемами. Умеренное использование арочных проемов, резных деревянных дверей, керамических вставок и ажурных металлических решеток подчеркивало локальный характер архитектуры. Также использование местных строительных материалов (применение светлого камня, известковой штукатурки, глины и дерева) обеспечивало гармоничный и узнаваемый образ. Все это создавало впечатление упорядоченности и целостности, которое интерпретировалось как визуальный код модернистской архитектуры, интегрированной в традиционный контекст.

Таким образом, семиотически квартал Хубус выступает как пространство «двойного кода»: с одной стороны, он транслирует модернистскую идею рационального порядка и управляемости, а с другой – сохраняет символическую структуру исторической городской ткани, обеспечивая культурную преемственность. В этом смысле проект Новой Медины можно рассматривать как один из последних крупных примеров архитектурного историзма в колониальной Северной Африке, где воспроизводство традиционной формы служило инструментом социальной адаптации и символического контроля городской среды.

Выводы

Проведенный анализ малоэтажной жилой застройки Азербайджана, Кыргызстана, России и Марокко конца XIX – первой половины XX века показывает, что архитектура данных территорий выступает сложной семиотической системой, отражающей социальные, культурные, экономические и политические процессы своего времени. В каждом из рассмотренных регионов малоэтажное жильё формировало специфический культурный код, основанный на локальных традициях, архитектурно-типологических моделях и представлениях о социальном статусе жителей, их культурной идентичности и роли в обществе.

Архитектура Баку начала XX века демонстрировала высокую степень эклектичности, соединяя восточные мотивы и европейские стилевые направления, что отражало стремление городского общества к модернизации при сохранении культурной идентичности. В Пишпекке малоэтажная застройка выступала пространственным выражением рационального градостроительного подхода,

характерного для российской военной администрации, одновременно сохраняя социальную дифференциацию в организации усадеб и планировке городских кварталов. Дунганские усадьбы представляли собой модель традиционного жилища, в котором пространственная закрытость и ориентация на внутренний двор являлись культурными знаками семейной приватности и внутренней иерархии. В российском контексте дома Нижнего Новгорода эпохи классицизма отражали идеологические и эстетические ценности времени – порядок, иерархию и государственную символику, выраженные в строгости композиции и сдержанности классических элементов. В Касабланке же квартал Хубус стал примером архитектуры «двойного кода», где модернистские градостроительные принципы сочетались с воспроизведением традиционных марокканских форм, позволяя адаптировать местное население к новым городским условиям без утраты привычных пространственных и культурных ориентиров.

Таким образом, малоэтажные жилые структуры в различных культурных ареалах выступают не только результатом функциональных или климатических факторов, но и проявлением устойчивых культурных смыслов, социально-экономических отношений и исторических обстоятельств. Исследование подтверждает, что анализ малоэтажной архитектуры как семиотической системы позволяет выявлять глубинные закономерности формирования жилой среды, раскрывать ее культурную и социальную обусловленность, а также понимать механизмы трансляции идентичности через архитектурные формы. Такой межкультурный подход расширяет методологические рамки изучения жилой застройки и способствует более глубокому пониманию процессов, определяющих развитие городской среды в разные эпохи и регионы.

Литература

- Parsae, M., Parva, M., Karimi, B. Space and place concepts analysis based on semiology approach in residential architecture // *HBRC Journal*. – 2015. – N 11 (3). – P. 368–383. – DOI: 10.1016/j.hbrj.2014.07.001
- Янковская, Ю. С. Семиотические механизмы архитектуры // *Известия УРГУ*. – 2004. – № 32. – С. 81–88.
- Handoko, J. P. S. Semiotics Analysis Method in Architectural Research // *Jurnal Koridor*. – 2024. – N 15 (2). – P. 112–120. – DOI: 10.32734/koridor.v15i2.14732
- Юсифова, К. Р. Экстерьеры и интерьеры жилых домов на рубеже XIX–XX вв. в Баку // *Жилищное строительство*. – 2018. – № 5. – С. 40–47.
- Kariev, B. S. History of formation and prospects of development of low-rise housing construction in Bishkek // *ISJ Theoretical & Applied Science*. – 2019. – N 1 (69). – P. 301–306
- Отчет о плане развития Пишпека. Документ № 9 (июль 1881 г.). – URL: <https://open.kg/en/about-kyrgyzstan/cities/bishkek/history-of-the-capital-of-kyrgyzstan-in-documents/34847-raport-o-plane-razvitiya-pishpeka-dokument-9.html> (дата обращения: 18.11.2025).
- Сабирова, Ы. Б. Из истории города Пишпек и его населения в конце XIX – начале XX в. Проблемы современной науки и образования. – 2016. – № 35 (77). – С. 53–58.
- Писарской, Е. Г., Курбатов, В. В. Архитектура Советской Киргизии // *Architecture of the Soviet Kirghizia*. – Москва : Стройиздат, 1986. – 319 с.
- Лю, В. Г. Этническая и культурная идентичность дунган в полиэтнической среде // *Известия Нижневолжского агроуниверситетского комплекса*. – 2006. – № 3 (3). – С. 191–199.
- Волкова, Е. М. Архитектурный облик зданий Нижнего Новгорода, связанных с Н. А. Добролюбовым // *Вестник МГСУ*. – 2018. – Т. 13, вып. 4 (115). – С. 459–471.
- Mavachi. Дом Е. Добролюбовой. – URL: <https://mavashimisha.ru/stati/11607-dom-e-dobrolyubovoy.html> (дата обращения: 04.12.2025).
- Нащокина, М. В. Русский классицизм второй половины XVIII – начала XIX века. – Москва : Изобразительное искусство, 1994. – С. 184–193.
- Rtal, M., Hanoune, M. The Contribution of the Urbanization of the Information System on Urban Development in Casablanca (Morocco) // *Civil Engineering and Architecture*. – 2020. N 8(3). – P. 366–370. – DOI: 10.13189/cea.2020.080321
- Архитектура Северной Африки: от европейской колонизации до независимости. – URL: <https://www.hse.ru/news/communication/181480077.html> (дата обращения: 05.12.2025).
- Воронина, В. Л. Архитектура Северной Африки (Алжир, Тунис и Марокко) // *Всеобщая история архитектуры*. Т. 10 : Архитектура XIX – начала XX в. – Москва : Стройиздат, 1972.

References

- Arkhitektura Severnoi Afriki: ot evropeiskoi kolonizatsii do nezavisimosti [Architecture of the Northern Africa: from European colonization to independence]*. (2016). HSE University. Retrieved December 5, 2025, from <https://www.hse.ru/news/communication/181480077.html>
- Handoko, J. P. S. (2024). Semiotics Analysis Method in Architectural Research. *Jurnal Koridor*, 15(2), 112–120. DOI: 10.32734/koridor.v15i2.14732.
- Kariev, B. S. (2019). History of formation and prospects of development of low-rise housing construction in Bishkek. *ISJ Theoretical & Applied Science*, 1(69), 301-306.
- Liu, V. G. (2006). Etnicheskaya i kulturnaya identichnost dungan v polietnicheskoi srede [Ethnic and cultural identity of the Dungans in a multiethnic environment]. *Izvestia Niznevolzskogo agrouniversitetskogo kompleksa*, 3(3), 191-199.
- Mavashi. (n.d.). *Dom E. Dobrolyubovoi [E. Dobrolyubova's house]*. Retrieved December 4, 2025, from <https://mavashimisha.ru/stati/11607-dom-e-dobrolyubovoy.html>
- Nashchokina, M. V. (1994). *Russkii klassitsizm vtoroi poloviny XVIII – nachala XIX veka [Russian classicism of the second half of the XVIII – early XIX century]*. Moscow: Izobrazitelnoe iskusstvo.
- Parsae, M., Parva, M., & Karimi, B. (2015). Space and place concepts analysis based on semiology approach in residential architecture. *HBRC Journal*, 11(3), 368–383. DOI: 10.1016/j.hbrj.2014.07.001.
- Pisarsky, E. G., & Kurbatov, V. V. (1986). *Architecture of Soviet Kirghizia*. Moscow: Stroyizdat.
- Report on the development plan of Pishpek. Document No. 9 (July 1881)*. (2019). Open.kg. Retrieved November 18, 2025, from <https://open.kg/en/about-kyrgyzstan/cities/bishkek/history-of-the-capital-of-kyrgyzstan-in-documents/34847-raport-o-plane-razvitiya-pishpeka-dokument-9.html>
- Rtal, M., & Hanoune, M. (2020). The Contribution of the Urbanization of the Information System on Urban Development in Casablanca (Morocco). *Civil Engineering and Architecture*, 8(3), 366-370. DOI: 10.13189/cea.2020.080321.
- Sabirova, Y. B. (2016). The history of the town of Pishpek and its people in the late XIX – early XX centuries. *Modern Problems of Science and Education*, 35(77), 53-58.
- Volkova, E. M. (2018). Architectural appearance of buildings in Nizhny Novgorod associated with N. A. Dobrolyubov. *Vestnik MGSU*, 13(4 (115)), 459-471.
- Voronina, V. L. (1972). Architecture of North Africa (Algeria, Tunisia and Morocco). In *Vseobshchaya istoriya arkhitektury [Universal History of Architecture]*. Vol. 10: Architecture of the XIX – early XX century. Moscow: Stroyizdat.
- Yankovskaya, Yu. S. (2004). Semioticheskie mekhanizmy arkhitektury [Semiotic mechanisms of architecture]. *UrFU News*, 32, 81-88.
- Yusifova, K. R. (2018). Exteriors and interiors of residential houses at the turn of the XIX–XX centuries in Baku. *Housing construction*, 5, 40-47.